

УДК: 141.81+141.72

DOI: 10.17223/1998863X/44/22

Б.А. Прокудин

ФЕМИНИСТСКАЯ ПОВЕСТКА ПЕРВОГО РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА¹

Предпринимается попытка интерпретировать роман А.И. Герцена «Кто виноват?» в контексте генезиса русского феминизма. В первой части работы – история взаимоотношений Александра Герцена и его жены Натальи в период 1841–1845 гг., когда по итогам семейного кризиса Герценом были сформулированы основные положения русского феминизма, центральным понятием которого станет «деятельность». Во второй части проводится анализ романа «Кто виноват?», написанного в тот же период, в котором Герцен пытался представить в художественной форме основные выводы своей феминистской концепции. В статье отмечается, что «семейная» линия романа стала наиболее востребованной читающей публикой в конце 1850-х – начале 1860 гг., тогда под влиянием появившегося «женского вопроса» феминистские идеи Герцена стали иметь влияние на общественно-политическую повестку.

Ключевые слова: А.И. Герцен, «Кто виноват?», феминизм, русский радикализм, политический роман.

Эпоха политических романов начинается в России в 1845–1846 гг., когда сначала в журнале «Отечественные записки», а потом отдельным изданием был напечатан роман А.И. Герцена «Кто виноват?». Давать названия эпохам – занятие неблагодарное, и все подобные определения грешат приблизительностью и условностью, ведь и до 1845 г. в России были художественные произведения, в которых открыто высказывались политические идеи. Но литературоведы, называя «Кто виноват?» этапным текстом, подчеркивали, что его случай характеризует рождение политических романов «по преимуществу», т.е. появление произведений, где политические (точнее, социально-политические) идеи не служат лишь сугубо художественным задачам автора, уточняют характер героев или обстоятельства времени, но играют самостоятельную роль. Не исполняют функцию декорации, на фоне которой разворачивается человеческая драма, а сами становятся героями драмы. И читатели с появлением таких романов имеют возможность наблюдать не только картину человеческой жизни той или иной исторической эпохи, но и «картину идей»².

Рожденный, по собственному признанию, «для форума» и потерявший возможность полноценной социальной активности, в первой ссылке молодой А.И. Герцен выбрал своей трибуной литературу. Для России первой полови-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344.

² В отечественном литературоведении роману давали разные жанровые определения. В 1930 г. М.М. Бахтин предложил называть «Кто виноват?» *социально-идеологическим* романом. Позже закрепилось другое определение романа, которое мы можем найти в «Большой советской энциклопедии»: «один из первых русских *социально-психологических* романов». В постсоветское время «Кто виноват?» стали уже открыто и без дополнительных слов-приписок называть «*первым политическим* романом».

ны XIX в., когда народ, по выражению П.А. Кропоткина, «был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в деле создания институций родной страны» [1. С. 10], подобный выбор выглядит совершенно оправданным, ведь именно художественная литература тогда становилась социально-политической «институцией». Начиная с 1840-х гг. литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была публицистика и литературная критика. Третьим – философия (см.: [2. С. 129–134]). Исторические причины такого странного, с европейской точки зрения, явления известны: после восстания декабристов самодержавная власть, опасаясь вольнодумства и неблагонадежности, решила опереться на чиновничество, создавая такие государственные формы, которые не предполагали участия других социальных слоев в процессе принятия решений. С этого же времени в России была ужесточена цензура, не допускающая прямых политических высказываний в прессе.

Кроме военной или государственной службы других форм гражданской жизни в России с этого времени не предусматривалось, и здесь пришла литература (см.: [3. С. 536–546; 4]). Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать гражданственность больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага, литература звала вперед, литература определяла нашу социальную и политическую жизнь. Как писал С.А. Венгеров, начиная с 1840-х гг. всякий заметный писатель становился у нас общественным вождем: «Всякий писатель должен идти направо или налево, а писатель, индифферентный к общественным вопросам, не имел ни влияния, ни успеха в соответствующей его таланту степени» [5. С. 27].

Понимая характер общественного запроса, Герцен очень внимательно относился к читательской реакции. «Успех „Малинова“ (часть „Записок одного молодого человека“, напечатанная в августе 1841 г. – *Б.П.*) заставил меня приняться за „Кто виноват?“» [6. С. 8], – признавался Герцен в предисловии к роману. Первая часть нового романа увидела свет в 1845–1846 гг. и сразу оказалась в центре общественного внимания (полностью роман будет напечатан в 1847 г.). Читатели быстро выделили текст Герцена из всего появившегося тогда в русских журналах и много хвалили, да так, что Герцен в декабре 1845 г. признавался, что «не ожидал вовсе такого успеха» [7. С. 248]. «Я начинал тогда входить в моду» [8. С. 115], – напишет он об этом времени в «Былом и думах». Между тем Герцена нельзя было назвать автором-дебютантом. «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» были уже напечатаны и пользовались популярностью, однако роман «Кто виноват?» открыл читающей публике Герцена в новом статусе – как автора интеллектуальной прозы.

Роман «Кто виноват?» до конца века оставался, по словам Н.Н. Страхова, наиболее известным русским читателям произведением Герцена (см.: [9. С. 224]), но в разные периоды своего бытования в читательской среде (судя по журнальной критике и отзывам о романе в автодокументальной литературе) различные идеи оказывались востребованными публикой и имели влия-

ние на общественно-политическую повестку. В связи с конкретными историческими событиями менялось не только восприятие проблематики романа, но и социальный состав его читателей. Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата, людей «своего круга», образованных дворян, так называемых «представителей передовых убеждений 1840-х годов» (как бы сказали в советское время). Потом, в 1850–1860-е гг., круг читателей расширился, пополнился, например, разночинцами, для которых дворянская проблематика была гораздо менее актуальна. С долей условности можно утверждать, что для первой «группы» наиболее важной была «социально-политическая» линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели, принадлежащие к кругу Герцена. Надо сказать, что западным исследователям творчества Герцена тема «лишнего человека» в романе «Кто виноват?» всегда казалась наиболее точно соответствующей интеллектуальному контексту эпохи. В книге 2016 г. «Об открытии возможности. Жизнь и мысль Александра Герцена» ученица Исаяи Берлина – Айлин Келли – пишет: «Герцен определяет основную болезнь века как разрыв между теорией и жизнью, но отвергает мнение романтиков, что их отчуждение является признаком принадлежности к духовной элите. До определенной степени в своих затруднениях виноваты сами романтики. Это доминирующая тема романа „Кто виноват?“» [10. Р. 167–168]. Для 1840-х гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, будет звучать так: кто виноват, что Бельтов (герой романа) оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни? Для второй «группы» – читателей 1850–1860-х гг. – более важной оказалась «семейная» линия романа, и «главным», по преимуществу, стал вопрос о положении женщины в русском обществе. В данной статье мы обратим внимание на период 1850–1860 гг.

Авторские акценты, а также частое возвращение Герцена к теме трагических любовных конфликтов и семейных драм в конце 1830-х – начале 1840-х гг. (см.: повесть «Елена» (1836–1838), «По поводу одной драмы» (1842–1843), «Дневник 1842–1845» и пр.) убеждают нас в том, что для Герцена в период написания романа «Кто виноват?» «правда семейная» была не менее (а может быть, и более) важна, чем «правда общественная». Причудливым образом получилось, что тема, насущная для «человека передовых убеждений» в начале 1840-х гг., стала частью общественной повестки в 1860-х гг. И это привело к новому всплеску популярности романа. Даже Н.Н. Страхов, мировоззренческий противник Герцена, включивший статьи о нем в сборник под названием «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882)¹, не уделил внимания «политической» составляющей романа и в главке, посвященной «Кто виноват?», пересказав сюжет, резюмировал: «Очевидно, случай, взятый Герценом, относится к так называемому „женскому вопросу“» [9. С. 224].

Большинство исследователей время возникновения женского вопроса в России относят к первым пяти годам после окончания Крымской войны. Смерть Николая I и поражение в войне «вскрыли язвы общества». Снятие

¹ В состав работы «Борьба с Западом в нашей литературе» вошли переработанные статьи о Герцене, напечатанные ранее: *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья первая // *Заря*. 1870. № 3; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья вторая // *Заря*. 1870. № 4; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья третья. Герцен как свободомыслящий человек // *Заря*. 1870. № 12.

цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся, прежде всего, путей развития России. Одним из «жгучих вопросов» того времени стал женский вопрос, который первоначально заключался в требовании улучшения женского образования, а позднее «развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины» [11. С. 55–67]. В начавшуюся эпоху эмансипации роман «Кто виноват?» обрел новую жизнь, хоть и смотрелся уже немного старомодно.

«Семейная» линия романа такова: благородный и умный молодой человек, разночинец Круциферский, встречает молодую девушку Любоньку, такую же умную и чистую, незаконную дочь самодура-помещика. Они влюбляются друг в друга, преодолевают некоторые козни, которые им «подстраивает судьба», и женятся. Наступает семейное счастье, простое и здоровое, которое продолжается несколько лет. У молодых супругов рождается сын, и ничто не мешает им жить, «крепостнические порядки» и «николаевская Россия» не вторгаются в их размеренную жизнь. Ничто не предвещает беды. Но случайно в их уездный город NN приезжает Бельтов (герой романа), молодой холостяк, блестяще образованный дворянин, добрый и порядочный человек. Он знакомится с семьей Круциферских, начинает часто бывать у них в гостях. И вот между Бельтовым и Любой Круциферской «с неудержимой силой и быстротой» возникает взаимное притяжение.

«Лишний человек» Бельтов совсем не такой, как его знаменитые предшественники, Онегин или Печорин. Он никого не убивает от скуки, никого не обманывает. Он честно влюбляется в замужнюю женщину и один раз ее целует. А когда понимает, что ее муж мучается ревностью и семья в опасности, уезжает из города. Вот и все. Жена в горячке, муж начинает пить. Ничего в семье Круциферских, кажется, не произошло, но идиллия сломана. Что будет дальше, мы не знаем: выживет ли Люба, сопьется ли ее муж? Все это остается за рамками повествования. Мы знаем только, что карета Бельтова «прогремела по какому-то мосту» и укатила навечно в Париж. Конец истории. Кто виноват? – Никто. Постановка этого вопроса вообще кажется не очень уместной. Причиной разрушения семьи Круциферских становится не преследование грубого или завистливого общества, не угнетение репрессивного государства. Вину за то, что три человека стали несчастными, кажется, нельзя приписать ни одному из действующих лиц, ни «среде», нравам и законам, по которым они живут. Беда заключается только во взаимных отношениях героев, никто из которых не хотел дурного. Именно к такому выводу нас подводит Герцен. Однако если мы попробуем разобраться, какому из героев сам автор чуть больше симпатизирует, а кого – больше критикует, картина может несколько измениться. Такую операцию для уточнения семейной линии романа предлагал проделать Н.Н. Страхов, и она кажется нам перспективной (см.: [9. С. 226–227]).

Страхов попытался доказать, что в семейном разладе более других, по мнению Герцена, виноват бедный муж, разночинец Круциферский, потому что был слишком предан своей жене, слишком отдался этой любви и сделал ее единственным содержанием своей жизни: «Любовь его росла непрерывно, тем более что ничто не развлекало его; он не мог двух часов провести, не видавши темноглазых глаз своей жены, он трепетал, когда она выходила со

двора и не возвращалась в назначенный час; словом, ясно было видно, что все корни его бытия были в ней» [6. С. 157].

Ответ на вопрос, почему для Герцена, молодого человека двадцати девяти лет от роду, находящегося во владимирской ссылке, из всего многообразия философских, социально-политических и семейно-бытовых тем наиболее интересной показалась тема опасности «всепоглощающей» любви, с которой он решил разобраться в первом своем крупном художественном произведении, мы легко найдем, проследив его идейную эволюцию в начале 1840-х гг.

Роман «Кто виноват?» был написан Герценом в период его мировоззренческого кризиса, когда на смену юношескому идеализму приходил реализм. Причем не только в философии, но и в любви. Американский исследователь Мартин Малиа в своем фундаментальном труде о Герцене недоумевал, «почему радикалы поколения Герцена сделали феминизм своей главной целью», когда не решены были более значимые вопросы, например свободы прессы и свободы слова, гражданских прав, бедности, безграмотности подавляющей части населения? «На фоне отсталого крепостного права, – писал он, – внимание, которое этот вопрос получил в России, кажется просто роскошью» [12. С. 365–366]. Малиа находил этому простое психологическое объяснение: отсутствие возможности реального освобождения страны от «гнета самодержавия», по его мнению, приводило молодых интеллектуалов к тому, что «вопрос абсолютной свободы в личных отношениях приобретал все большее эмоциональное значение» [Там же. С. 366]. Эту идею несколько в другом виде высказывала И.А. Паперно. По ее мнению, в 1840-е гг. «„освобождение женщины“ понималось (представителями радикальной интеллигенции. – *Б.П.*) как свобода в целом, а свобода в личных отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества» [13. С. 55].

Идеи женской эмансипации действительно стали одной из важных тем социально-политической мысли русского радикализма, неотъемлемой частью самосознания эпохи и, может быть, в наиболее разработанной форме представлены в начале 1860-х гг. (прежде всего, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»), однако, как писал Малиа, «роль Герцена в зарождении этого движения была не менее конструктивной, чем в его поздней защите „социалистической“ крестьянской общины» [12. С. 365].

То есть Герцена вполне можно назвать и автором национальной версии социализма, и родоначальником современного русского феминизма. Но, как и политический идеал, феминизм Герцена являлся отнюдь не плодом кабинетных штудий, он – следствие мировоззренческого кризиса, когда «большие» идеи не выдерживают испытания жизнью. И, может быть, самым простым объяснением, почему тема семьи и брака стала столь важной в творчестве Герцена первой половины 1840-х гг., является то, что именно в это время он сам вступил в брак. Причем, как и его друг Н.П. Огарев, молодой Герцен хотел построить свой брачный союз на новых основаниях, преодолеть все негативные черты «традиционного» брака, который в тот момент представлялся ему синонимом взаимного лицемерия, несвободы и отсутствия любви (подробней см.: [14. С. 250–264; 15. С. 68–85]).

У Герцена была двоюродная сестра Наталья Захарьина, Натали, младше его на пять лет. Как и Герцен, она была незаконнорожденной, воспитывалась

в доме у тетки. Наталья и Александр по-настоящему сдружились во время его тюремного заключения и первой ссылки. Герцену тогда было 22, ей – 17. Они стали писать друг другу длинные письма и почувствовали, что между ними возникла особая связь, духовное родство. Со временем их переписка становилась все теплей и экзальтированной. Наконец, они поняли, что полюбили друг друга, и Герцен решился на романтический поступок: он тайно отправился в Москву, выкрал Наталью, привез во Владимир, где отбывал ссылку, и они обвенчались. Но, к несчастью, семейная жизнь Герценов как-то сразу не заладилась.

Дело в том, что их досвадебная переписка, огромная по объему, была полна специфических религиозных мотивов, христианизированного романтизма (подробней см.: [16. С. 7–413; 17. С. 7–54]). Первая ссылка Герцена сопровождалась религиозными поисками (Александр и Наталья исповедовали тогда внеконфессиональное, «личное христианство»), и любовь, о которой они много говорили в письмах, понималась ими как «любовь небесная», некая высшая сущность, в сравнении с которой все земное не имеет значения. И вот, после периода длительной переписки, началась реальная, вполне земная жизнь двух людей, которую теперь надо было соотносить со всем тем, что они друг другу писали.

И оказалось вдруг, что в небесную любовь Наталья верила сильнее, чем супруг. Тотальная, всепоглощающая любовь, с ее точки зрения, должна была не только оставаться в письмах, но продолжаться в браке, в быту. В «Былом и думах» Герцен описывает свою молодую жену как человека, постоянно нуждающегося в заверениях и «любви безусловной». А Александру была нужна не только любовь, но и деятельность. Возвращение Герцена на землю с «чувствительных» высот происходило постепенно и заняло четыре года, с 1838 по 1842, в которые он постепенно охладевал к религии. За это время он последовательно избавлялся от юношеского романтизма, сентиментализма, а идея сакральной любви наконец сменилась «реализмом» в любви.

Чтобы правильно понять истоки семейной драмы, нужно вспомнить, что Герцен с юных лет воспринимал себя как историческую фигуру, носителя великой миссии. С четырнадцати лет, после казни декабристов, он говорил, что его предназначение – это борьба с рабством и тиранией. Но если так, нужно что-то делать в этом отношении. А что по факту? По факту – из тюрьмы вышел вчерашний студент, который ничего еще не сделал, но уже оказался оторван от московской интеллектуальной среды и насильно посажен работать в провинциальных канцеляриях чиновником. Где-то в Вятке, Владимире. И пока Герцен находится на службе, уходит время. Он переписывается со своей возлюбленной, но уходит время. Он «крадет» ее, но уходит время. Свадьба, медовый месяц, счастье, гармония. Но уходит время.

И вот, после года семейной жизни Герцена начинают все больше занимать литературное творчество, политика, философия, социальная жизнь. То, что он называл «деятельностью». А у Натальи, сделавшей «любовь» центром своей жизни, кроме любви никакой деятельности и не было. Философию и политику она постепенно стала воспринимать как соперниц, страдала от ревности. Ощущала себя брошенной.

В конспекте продолжения (осень 1851) повести «Долг прежде всего» (1847), написанного по итогам семейных сложностей первых лет брака, Гер-

цен так характеризовал отношения своего героя: «Анатолий между тем начинал чувствовать усталость от своей любви, ему было тесно с Оленькой, ее вечный детский лепет утомлял его. Чувство, нашедшее свой предел, непрочно, бесконечная даль так же нужна любви и дружбе, как изящному виду. Оленька принадлежала к тем милым, но неглубоким и неразвивающимся натурам, которые, однажды вспыхнув сильным чувством, *готовы*, оседают и уже дальше не идут» [18. С. 298–299]. Как справедливо замечает А.А. Тесля, «здесь, можно с некоторой долей уверенности предположить, содержится и оценка его отношений с женой, Натальей, в чем он сам себе вряд ли признавался до конца» [19. С. 157].

Напряжение между Александром и Натальей переросло в кризис в городе Новгороде, куда Герцена выслали в 1841 г. Там его тоска по свободной деятельности усилилась. И Наталья приняла это на свой счет: если ее любви недостаточно, чтобы спасти мужа от тоски, значит, любовь умерла. «И вот эту-то досаду, этот строптивый крик нетерпения, эту тоску по свободной деятельности, чувство цепей на ногах – Natalie приняла иначе. Часто заставлял я ее у кровати Саши с заплаканными глазами; она уверяла меня, что все это от расстроенных нерв, что лучше этого не замечать, не спрашивать... я верил ей» [20. С. 95].

Надо сказать, что Герцен пытался и для Натальи придумать «деятельность». Он хотел, чтобы его жена стала хозяйкой литературного салона вроде А.П. Елагиной, «центром ученого кружка». Наталья была умна и начитана, но она привыкла жить в уединении и боялась общества, говоря, что «будет скорее смешна в светском салоне, чем интересна» (см.: [21. С. 298]). Надо представить себе детство Натальи, чтобы понять, насколько утопичной была эта задумка. Наталья, незаконнорожденная девочка, росла в изоляции... Двадцать лет человека прятали от людей, а на двадцать первом году предложили возглавить «общество». Она отказалась, сказав, «что не променяет свою тихую семейную жизнь на суетные визиты» (см.: [Там же. С. 298]).

Но все-таки кризис, произошедший в семье Герценов, нельзя свести только к несовпадению в понимании любви. За несколько лет Наталья пережила смерть троих новорожденных детей, что способствовало пересмотру ее взглядов на жизнь. Потихоньку она перестала боготворить мужа, который оказался бессилем перед лицом смерти. Наталья месяцами была больна, в депрессии. А тут еще Герцен изменил ей с горничной и сразу исповедовался жене. Если до этого Наталья страдала от недостатка внимания со стороны мужа, то измена подорвала основы ее маленького мира.

Семейные сцены продолжались с перерывами на протяжении года. Как и Наталья, Герцен погрузился в размышления об их отношениях, которые надолго вытеснили политику и философию из его дневника. Однако постепенно кризис стал сходиться на нет. Наталья в конце 1843 г. родила здорового сына, а через год – дочь. И по внешним признакам гармония в семье была восстановлена.

Но восстановлена уже на новых теоретических основаниях. В 1843 г. Герцен подводит итоги: «Сколько переменилось в эти четыре года, сколько испытаний! Главное цело, все цело: и дружба, и любовь, и преданность общим интересам, – но освещение не то, алый свет юности заменился северным, ясным, но холодным солнцем реального понимания. Чище, совершен-

нолетнее пониманье, но нет нимба, окружавшего все для нас. Период романтизма исчез, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли вперед, многого достигли, но юные формы приняли мускулезный и похудевший вид путника усталого, сожженного солнцем, искусившегося всеми тяготами пути, знающего теперь все препятствия и пр. <...> Мне кажется, наступает теперь новая эпоха – успокоения совершеннолетнего и деятельности более развитой» [22. С. 272].

Почему домашний кризис Герцена, его семейная история столь важны для нас? Потому что этот частный случай способствовал развитию на российской почве французских сенсимонистских натуралистических теорий любви, идей эмансипации (подробней см.: [23. Р. 581–696]). После долгих раздумий Герцен понял, что источником их семейных неурядиц явилось отнюдь не иссякание «небесной любви» и даже не разница характеров, но общая неудовлетворенность Натальи жизнью, «постоянное ощущение избыточности задатков ее натуры сравнительно с возможностью их применения» (см.: [24. С. 578]). Разумеется, это психологическое состояние характерно было для многих женщин того времени. Как пишет И.М. Рудая, «именно в 1830–1840-е гг. в русском обществе все глубже и трагичнее осознавалась невозможность проявить то душевное богатство, которым была наделена женщина и которое силой социальных обстоятельств было замкнуто для нее узким кругом домашних забот и обязанностей» (см.: [Там же]). По мысли Герцена, Наталья тоже была рождена для великих свершений, для «деятельности», но в современном ей русском обществе она не имела никаких перспектив. Ведь женщина первой половины XIX в. могла быть женой, матерью – и только. И эта неудовлетворенность Натальи обернулась гипертрофированной потребностью в любви, от которой страдал Герцен. То есть всему виной традиционное общество, которое делает женщин заложницами семьи.

Нужно сказать, что для Герцена авторитарная модель семьи всегда казалась невозможной, а подчинение жены мужу несовместимым с любовью. Идея «естественного» предназначения женщины противоречила самому для него важному – свободе самореализации личности. И если в 1830-е гг. от «ханжества старого мира» он погрузился в идеальный мир немецких романтиков, в особенности в «прекраснодушие» Шиллера с его возвеличиванием женщин, то после разочарования в идеализме он открывает для себя Жорж Санд (подробней см.: [25. С. 71–81; 26. Р. 74]) и формулирует свою позицию гораздо конкретней и жестче (см.: [11. С. 46]).

В «Дневнике 1842–1845» Герцен пишет: «Брак не есть истинный результат любви, а христианский результат ее... В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности, нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определяют подробности отношений» [22. С. 290]. Эта запись датирована 1843 г. А в дневниках, относящихся к следующему году, Герцен добавил: в новом обществе «женщина еще в большей степени будет вовлечена в общественные дела; с помощью образования она нравственно укрепитя и не будет больше односторонне привязана к семье» [Там же. С. 347].

Как писал о «Дневнике» Герцена исследователь женского освободительного движения в России Ричард Стайтс, «в этих высказываниях мы находим все, или почти все, что впоследствии встретим у Маркса, Бебеля и их русских последователей вплоть до 1930-х гг.» [11. С. 49]. Он уверял, что, хоть идеи, высказанные Герценом, получили широкое распространение и разделялись несколькими поколениями русской интеллигенции, «дневниковые записи Герцена ничего не добавили к общественной дискуссии об освобождении женщин» [Там же]. Надо сказать, что ответы на важнейшие вопросы собственной жизни Герцен пытался найти не только в дневнике или публицистических произведениях, но и в художественных текстах, которые писал в то время. И возможно, относительно «Дневника» Стайтс прав, однако в романе «Кто виноват?», который, напомним, писался в промежутке с 1841 по 1846 г., мы можем найти несколько «сугубо русских тем», которыми Герцен обогатил общеевропейский феминизм.

К «легкомысленному» французскому феминизму Герцен прибавил русской серьезности. Французы тогда проповедовали «реабилитацию плоти» (о ней говорил сенсимонист Анфантен, призывавший отбросить старую семейную буржуазную мораль и вспомнить о теле) и «реабилитацию сердца» (к которой призывала Жорж Санд, говоря, что любовь – это священное чувство, которое не может быть ограничено узами брака) (см.: [Там же. С. 42–46]). На фоне этого Герцен предлагал, по сути, «реабилитацию деятельности».

Мартин Малиа высказывал предположение, что в поисках объяснения осложнения отношений с Натальей Герцен пришел к заключению, что их «кризис зрелости» был бы гораздо менее суровым, если бы она стремилась к чему-то большему, нежели просто к удовлетворению «страстей своего сердца» [12. С. 368]. Что «исключительная концентрация» Натальи на «внутренней жизни», семье и любви стала казаться Герцену не только угрозой его собственной «свободной деятельности» и социальной жизни, но в целом препятствием для реализации женщинами «человеческих возможностей».

Склонный к автобиографичности в прозе, Герцен в романе «Кто виноват?», уподобляя художественную жизнь своей, словно перепутал роли. Если молодой интеллектуал дворянин Бельтов, заброшенный в скучный провинциальный город, «списан» с него самого, и это вполне очевидно, то по описаниям слабого характера разночинца Круциферского мы можем предположить, что его строй мыслей был заимствован у Натальи. В логике Герцена, Круциферский более всех виноват в семейной драме именно потому, что слишком предан жене. И дело не в том, что он любит ее больше, чем Бельтов, а в том, что в его сердце нет места ни для чего другого: «Кроткий от природы, он и не думал вступить в борьбу с действительностью, – описывает Герцен Круциферского, – он отступал от ее напора, он просил только оставить его в покое; но явилась любовь, так, как она является в этих организациях: не бешено, не безумно, но на веки веков, но с таким отданием себя, что уж в груди не остается ничего неотданного» [6. С. 157].

Как бы комментируя эту поглощенность любовью, в статье «По поводу одной драмы» Герцен пишет: «Любовь венчает личную жизнь в ее индивидуальном значении; но за исключенною личностью есть великие области, также принадлежащие человеку» [27. С. 67]. То есть помимо маленькой частной

жизни есть большая общественная. И «зрелый» человек призван, прежде всего, для «мира общих интересов, художественной и научной жизни». И женщин это касается прежде всего. Им нужно освобождаться не только от деспотизма мужчин, считал Герцен, не только от деспотизма традиций и гендерных ролей, но, прежде всего, – от «деспотизма чувств». Освободиться и заняться делом.

И вот, чтобы расставить жизненные приоритеты, чтобы сохранить брак, Герцен придумал русскую версию феминизма и решил внедрить ее в голову Натальи, подправив идентичность жены. Он пропагандировал Жорж Санд, у которой помимо «любви» были рецепты социального переустройства мира. И внедрял новую феминистскую модель брака, основанную на равенстве. Намекая, что нужно побыстрее забыть всю эту подростковую «небесную любовь» с романтической символикой. Понять, что муж – не бог, жена – не ангел. Они равные партнеры, считал Герцен, которые должны вместе работать и быть счастливыми, делая большое общественное дело.

И Наталья согласилась принять новую идентичность. Идеи Санд захватили ее. Казалось, что Наталья изменилась, что план Герцена увенчался успехом. Но все пошло кувырком. Герцен перестарался и получил обратный эффект. Вскоре после выезда за границу Герцен и Наталья познакомились с немецким поэтом-романтиком Георгом Гервегом, и стало понятно, что Герцен ошибся в расчетах. Его нарочитая сухость и принуждение жены к реализму в отношениях привели Наталью к тайной мечте о новой романтике. И она влюбилась. «Мечты (о всепоглощающей любви. – *Б.П.*) не оправдались, но они так и остались неизменными – она жила „идеальной любовью“, и когда встретила Георга Гервега, то новый роман во многом попыталась выстроить по модели уже раз пережитого, вплоть до текстуальных совпадений в письмах Александру 1836–1838 годов и письмах Гервегу 1850 года» [19. С. 158].

Книжки Жорж Санд оказали воздействие на Наталью, только не в том ключе, в каком ожидал Герцен. И привели к совершенно непредсказуемому результату. Наталья поняла, что для нее выходом из несбывшейся небесной любви с Александром может быть отнюдь не смерть, как она думала раньше, а обретение новой небесной любви, только с другим человеком.

Горькая ирония этой ситуации состояла в том, что Герцен потратил годы раздумий, чтобы решить семейную проблему, убедить Наталью, что ее неудовлетворенность и заикленность на любви надо лечить деятельностью, дал ей книги, а в этих книгах она нашла отнюдь не руководство к деятельности. По словам И.Л. Савкиной, у Жорж Санд Наталью заинтересовала новая конструкция женственности: «женщины как свободной, самостоятельной личности, имеющей право на собственный, не продиктованный мужчиной и не определяемый социальными законами (предрассудками), выбор и на собственные желания» (см.: [21. С. 301]). И оказалось, что «новая женщина» вполне может вернуться к старому религиозно-сентименталистскому идеалу «небесной любви».

Итогом этого теоретического синтеза стало новое мировоззренческое несовпадение в семье Герценов и новая «драма троих», только если в первом случае это были выдуманные персонажи: Бельтов, Люба и Куруциферский (герои романа «Кто виноват?»), то теперь Александр и Наталья оказались

вовлечены в реальный любовный треугольник. И попытка «строить жизнь по книгам», теперь – по книгам Жорж Санд, привела к трагедии.

Наталья решила «бросить вызов судьбе» и почти ушла от Герцена к Гервегу, но скоро стало понятно, что немецкий поэт больше истерик, чем романтик. Наталья металась между ним и Герценом, не могла сделать окончательный выбор, говорила, что любит обоих. Их семейная жизнь превратилась в ад, и Наталья, слабая болезненная женщина, не выдержала и слегла (ко всему – она находилась не девятом месяце беременности). В 1852 г. она умерла во время родов.

После смерти жены Герцен не возвращался к теме феминизма, для него она казалась исчерпанной. Да и появившийся в 1863 г. роман Чернышевского «Что делать?» по смелости и разработанности вопросов о «деятельности» и женском равноправии сильно заслонил «Кто виноват?». Несмотря на это, роман Герцена продолжал влиять на русских читателей. Максим Горький в начале XX в. писал об огромном значении этого романа «в истории развития русского общества», прежде всего, постановкой вопроса о положении женщины [28. С. 250–251].

Литература

1. *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М. : Common place, 2016. 374 с.
2. *Прокудин Б.А.* Политический характер русской литературы // SCHOLA-2012 : сб. науч. ст. факультета политологии Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М. : Политическая мысль, 2013. С. 129–134.
3. *Шириняц А.А.* О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России : истоки, эволюция, основные направления : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 536–546.
4. *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Страницы русского «хранительства»: литература и политика [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. Электрон. дан. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781>
5. *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы // Собрание сочинений С.А. Венгерова. Петроград : Светоч, 1919. Т. 1 : «Героический характер русской литературы». 176 с.
6. *Герцен А.И.* Кто виноват? // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 4. С. 5–211.
7. *Герцен А.И.* Письмо А.А. Краевскому, 23 декабря 1845 г. Москва // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 22. С. 248–249.
8. *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868 // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8. С. 7–397.
9. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145–503.
10. *Kelly A.M.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2016. 608 p.
11. *Стэйтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 606 с.
12. *Малия М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М. : Территория будущего, 2010. 568 с.
13. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
14. *Гершензон М.О.* Любовь Н.П. Огарева // Избранное. Москва–Иерусалим : Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 250–415.
15. *Волошина С.М.* Утопия и жизнь : биография Николая Огарева. СПб. : Владимир Даль, 2016. Т. 3 : Образы прошлого. 509 с.

16. Захарьина Н.А. Переписка с А. Герценом 1832–1838 гг. // Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1905. Т. 7. 650 с.
17. Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. М. : Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 7–54.
18. Герцен А.И. Долг превыше всего // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 6. С. 249–313.
19. Тесля А.А. Сердечный дилетантизм // Первый русский национализм... и другие. М. : Европа, 2014. С. 150–161.
20. Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1868. Ч. IV // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 9. С. 9–265.
21. Савкина И.Л. «Пишу себя...» : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere : University of Tampere, 2001. 360 с.
22. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 201–417.
23. Manuel F.E. and Manuel F.P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge, MA, 1979. 696 p.
24. Рудая И.М., Благоволитина Ю.П. Предисловие к публикации писем Н.А. Герцен (Захарьиной) к Т.А. Астраковой // Литературное наследство. М. : Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 577–590.
25. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
26. Carr E.H. The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. Middlesex, 1949. 448 p.
27. Герцен А.И. Капризы и раздумье. По поводу одной драмы // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 49–73.
28. Горький М. История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике : сб. статей. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 248–257.

Boris A. Prokudin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: probor@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 224–237.

DOI: 10.17223/1998863X/44/22

THE FEMINIST AGENDA OF THE FIRST RUSSIAN POLITICAL NOVEL

Keywords: Alexander Herzen; *Who is to Blame?*; feminism; Russian radicalism; political novel.

The novel *Who is to Blame?* remained the most famous Herzen's work to Russian readers until the end of the nineteenth century, but in different periods of its existence in the reader's environment, various ideas turned out to be in demand by the public and had an impact on the socio-political agenda. In connection with specific historical events, not only the perception of the problems of the novel, but also the social composition of its readers changed. Initially, Herzen's novel had a specific addressee, people of "his circle", educated noblemen, the so-called "representatives of the advanced convictions of the 1840s". Then, in the 1850s and 1860s, the circle of readers expanded, for example, with *raznochintsy*, for which the noble problem was much less relevant. With a share of convention, it can be argued that for the first "group" the most important was the "socio-political" line of the novel and the relevant theme of a "superfluous man", with whom readers who belonged to the Herzen circle could associate themselves. For the second "group", readers of the 1850s and 1860s, the "family" line of the novel turned out to be more important, and, mainly, "key" was the question of the position of a woman in Russian society. The article attempts to interpret Herzen's novel in the context of the genesis of Russian feminism. The main focus is on the period of the 1850s–1860s. In its first part, the work presents the history of the relationship between Alexander Herzen and his wife Natalia in 1841–1845, when the family crisis helped Herzen to formulate the main provisions of Russian feminism. Herzen added Russian seriousness to the "frivolous" French feminism. The French then preached the "rehabilitation of the flesh" (the Saint-Simonian *Enfantin* spoke about it and called for rejecting the old family bourgeois morality and recalling the body), and "rehabilitation of the heart" (which George Sand called for, saying that love is a sacred feeling that can not be limited to marriage). Against this background, Herzen proposed, in fact, "rehabilitation of activities". He wrote that love is only one thing, not the whole life of a person; in addition to a small private life, there is a large public one, and a "mature" person is called, first of all, for the "world of common interests, artistic and scientific life". The second part analyses the novel *Who is to Blame?*, written in the period when Herzen tried to present the main findings of his feminist concept in the artistic form. The young intellectual Beltov,

thrown into a boring provincial city, is “copied” from himself, and this is quite obvious. The descriptions of the weak character of the *raznochinets* Krutsifersky allow assuming that his thoughts were borrowed from Natalya. In the logic of Herzen, Krutsifersky is more to blame for the family drama because he is too devoted to his wife, because feelings become more important to him than activities. The article notes that the “family” line of the novel was most in demand by the reading public at the end of the 1850s and the beginning of the 1860s. Then, under the influence of the emerging “women’s issue”, Herzen’s feminist ideas began to have an impact on the socio-political agenda.

References

1. Kropotkin, P.A. (2016) *Leksii po istorii russkoy literatury* [Lectures on the History of Russian Literature]. Moscow: Common place.
2. Prokudin, B.A. (2013) Politicheskiy kharakter russkoy literatury [The political character of Russian literature]. In: Shutov, A.Yu. & Shirinyants, A.A. (eds) *SCHOLA-2012*. Moscow: Politicheskaya MYSL'. pp. 129–134.
3. Shirinyants, A.A. (2011) O spetsifike istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii [On the specificity of the history of Russian socio-political thought]. In: Shelohaev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mys' Rossii : istoki, evolyutsiya, osnovnyye napravleniya* [Social Thought in Russia: Origins, Evolution, Main Directions]. Moscow: [s.n.]. pp. 536–546.
4. Perevezentsev, S.V. & Shirinyants A.A. (2016) Pages of history of the Russian “keeping idea” (“khranitel'stvo”): literature and politics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Regional State University*. 4. (In Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-4-781
5. Vengerov, S.A. (1919) *Sobranie sochineniy S.A. Vengerova* [Collected Works]. Vol. 1. Petrograd: Svetoch.
6. Herzen, A.I. (1955) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 5–211.
7. Herzen, A.I. (1961) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 22. Moscow: USSR AS. pp. 248–249.
8. Herzen, A.I. (1956) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 8. Moscow: USSR AS. pp. 7–397.
9. Strakhov, N.N. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp.145–503.
10. Kelly, A.M. (2016) *The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
11. Stites, R. (2004) *Zhenskoye osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii: Feminizm, nihilizm, bol'shevizm, 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930]. Translated from English by I. Shkolnikov, O. Shnyrova. Moscow: ROSSPEN.
12. Malia, M. (2010) *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdeniye russkogo sotsializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism: 1812–1855]. Moscow: Territoriya budushchego.
13. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behaviour: Nikolai Chernyshevsky, a Man of the Era of Realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Gershenzon, M.O. (2000) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga, Gesharim. pp. 250–415.
15. Voloshina, S.M. (2016) *Utopiya i zhizn': Biografiya Nikolaya Ogareva* [Utopia and Life: Biography of Nikolai Ogaryov]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Zaharina, N.A. (1905) *Perepiska s A. Gertsenom 1832–1838 gg.* [Correspondence with A. Herzen in 1832–1838]. In: Herzen, A.I. *Sochineniya A.I. Gertsena i perepiska s N.A. Zaharinoy* [Works by A.I. Herzen and correspondence with N.A. Zakharyina]. Vol. 7. St. Petersburg: F. Pavlenkov.
17. Ginzburg, L.Ya. (1997) *Avtobiograficheskoye v tvorchestve Gertsena* [Autobiographical in the works by Herzen]. In: Lansky, L.R. & Makashin, S.A. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 99(1). Moscow: Nauka. pp. 7–54.
18. Herzen, A.I. (1955) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 6. Moscow: USSR AS. pp. 249–313.
19. Teslya, A.A. (2014) *Pervyy russkiy natsionalizm... i drugiye* [First Russian nationalism . . . and others]. Moscow: Evropa. pp. 150–161.
20. Herzen, A.I. (1956) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 9. Moscow: USSR AS. pp. 9–265.

-
21. Savkina, I.L. (2001) *"Pishu sebya..." Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* ["I write myself . . ." Autodocumentary female texts in Russian literature of the first half of the 19th century]. Tampere: University of Tampere.
22. Herzen, A.I. (1954) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 201–417.
23. Manuel, F.E. & Manuel, F.P. (1979) *Utopian Thought in the Western World*. Cambridge, Massachusetts.
24. Rudaya, I.M. & Blagovolina, Yu.P. (1997) Predisloviye k publikatsii pisem N.A. Gertsen (Zakharinoy) k T.A. Astrakovoy [Preface to the publication of letters from N.A. Herzen (Zakharina) to T.A. Astrakova]. In: Lansky, L.R. & Makashin, S.A. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 99(1). Moscow: Nauka. pp. 577–590.
25. Yukina, I.I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. St. Petersburg: Aletyya.
26. Carr, E.H. (1949) *The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery*. Middlesex: Serif.
27. Herzen, A.I. (1954) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 49–73.
28. Gorky, M. (1953) Istoriya russkoy literatury [History of Russian Literature]. In: Putintsev, V.A. (ed.) *A.I. Gertsen v russkoy kritike* [A.I. Herzen in Russian Criticism]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 248–257.